

Культура. - 1997. - 14 авт. - с. 13

С лицом серьезным примерил пачку

БАЛЕТ – МУЖСКОЕ ДЕЛО

Первый юбилей Мужской балет Валерия Михайловского отпраздновал с размахом, показав на сценах концертного зала "Октябрьский" и Мюзик-холла "полное собрание сочинений" – все четыре концертные программы, подготовленные за пять лет своего существования. Ваш корреспондент наблюдал бешеный успех и неизменно полные залы и потому для начала поинтересовался у руководителя труппы, почему она так редко выступает в своем родном Петербурге.

– **М**ы являемся государственной труппой и в Петербурге работаем по государственным расценкам. Билеты на наши спектакли очень дешевы, так что заработанное полностью уходит на аренду репетиционного зала и покупку балетной обуви. Вот почему мы постоянно находимся в гастрольных разъездах. В этом году Мужской балет побывал на двух фестивалях в Македонии, а также в Японии и Корее. Мы очень много ездим по стране – больше, чем какая-либо другая труппа. И потом, я боюсь "приесться" зрителям. Пусть у нас несколько совершенно разных программ, но все-таки их нельзя показывать слишком часто.

– **Чем вы руководствуетесь, приглашая того или иного хореографа?**

– Это одна из самых больших проблем. Дело не только в моих личных пристрастиях – многие балетмейстеры заняты работой в собственных труппах. Я рад, что последнюю программу нам делал Эдвард Смирнов. С ним легко работать – на репетициях он четко знает, чего хочет от исполнителей. И мне очень понравились его композиции – "Сон. Фрагмент" и "Болеро". Я надеюсь, что наше сотрудничество продолжится. Дважды мы работали с Май Мурдма, но теперь, когда Эстония стала зарубежьем, приглашать ее очень сложно. Я бы сам с удовольствием что-то сочинял для своей труппы, но на это у меня не хватает ни сил, ни времени. Балетмейстерская работа должна поглощать тебя целиком – нельзя совмещать ее с репетиторской и исполнительской деятельностью. Мне же пока приходится быть и балетмейстером, и репетитором, и танцовщиком одновременно.

– **Роли, созданные для вас Борисом Эйфманом, ушли из его театра вместе с вами. Вы не думали о том, чтобы перенести что-то из своего прежнего репертуара в новую труппу?**

– "Познание" – номер, поставленный Борисом Эйфманом на музыку Альбинони, я танцую до сих пор. Остальное же невозможно вырвать из полнометражного спектакля. Я был бы счастлив, если бы Борис Яковлевич поставил что-то специально для нас. Его творчество очень много значит для меня; работа у Эйфмана – это четырнадцать счастливых лет моей жизни.

– **Вы не скучаете по тем ролям?**

– Мне вообще никогда скучать... Когда смотрю очередную премьеру Театра Эйфмана, всегда думаю, что хотел бы это танцевать. Мне как исполнителю больше нравятся сюжетные спектакли. "Чистый" танец, конечно, по-своему интересен, но, на мой взгляд, балетный театр должен быть прежде всего Театром. Постановки Эйфмана по-настоящему театральны.

– **А что исповедуете вы как руководитель собственной труппы?**

– В каждой программе мы показываем современные композиции мужского танца и балетную пародию на классический женский. Причем пародия эта – профессиональная. Главное для меня – не перешагнуть границы, за которыми начинается капустник, клоунада (какую делает, скажем, мужской балет "Трокадеро де Монте-Карло"). Идея этой пародии родилась из протеста против театральной рутины: зачастую видишь, как скучно танцуют балерины – "академистки", как игнорируются ими стиль и образность хореографии; искусство подменяется суррогатом "грубого помола". Я стремлюсь заострить какие-то стилистические и эмоциональные нюансы. И хотим мы этого или нет, но в мужском исполнении все поддается более выпукло. Я стремлюсь сохранять в неприкосновенности хореографический текст. Наши работы не оскорбляют вкус "апологетов" классики. Мне приходилось слышать восторженные отзывы от старейших балетоманов Кировского-Мариинского театра. На афишах нашей программы "Ах, эти шедевры" стоит: "И в шутку, и всерьез". В том, что мы

делаем, естественно, есть доля шутки, но все-таки многое – всерьез.

Хотя мы показываем пародию на женский танец, самые экзальтированные наши поклонники – это женщины. Я не могу забыть, как однажды подошла одна из зрительниц и сказала: "Вы, мужчины, показывая женщин, заставили меня саму почувствовать себя женщиной..." Но я хочу показать и современный мужской танец высокого уровня. Мне безумно интересно работать над новой пластикой. Но, увы, очень мало танцовщиков, которых это так же увлекает. Вообще, к сожалению, не так много людей, которым хотелось бы раздвинуть границы своего ремесла, которым бы хотелось чего-то большего... Я ушел в труппу к Эйфману, отказавшись от прекрасной, по нынешним меркам, жизни: я танцевал главные партии на сцене крупного оперного театра, у меня была отдельная роскошная гримуборная. Но... я проработал там всего шесть лет и с ужасом понял, что мне всю жизнь придется танцевать

Валерий Михайловский

только бесконечные "Дон Кихоты", "Жизели", "Баядерки", что новые роли – а я танцевал в "Анне Карениной" и "Кармен-сюите" – ничего принципиально не изменят. И тогда я сбежал. Труппа Эйфмана тогда моталась жутко: и где артисты только не жили на гастролях, даже в домах колхозника! И нам сейчас тоже нелегко: постоянно переезжаем с места на место. Но есть что-то, перед чем все трудности отступают на задний план. Как-то приехали в Ростов – и среди множества цветов мне преподносят букет из трех роз. Что такое – три цветка, а весят невесть сколько! Оказалось, они – совершенно натуральные на вид – были сделаны из карамели. Я не представляю, как можно это сделать. И ради того, что люди специально для тебя делают что-то подобное, стоит терпеть бесконечные гастрольные переезды и неудобства. Я вовсе не утверждаю, подобно советским министрам культуры, что наши артисты сыты исключительно творчеством, – деньги нужны всем. Но мерять нашу профессию только деньгами невозможно. Просто – напросто ненормально.

Беседу вела Юлия ЯКОВЛЕВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ